

О характере Твардовского, встречах с Солженицыным и разгоне редакции «Нового мира»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1875>

17 марта 2015

Собеседник

Виноградов Игорь Иванович

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 17 марта 2015 и опубликована 15 декабря 2017.

Введение

В четвертой беседе критик и литературовед Игорь Виноградов рассказывает о двенадцатилетнем периоде работы Александра Твардовского главным редактором журнала «Новый мир».

По убеждению рассказчика, именно характер и мировоззрение Твардовского, его умение говорить с властью на одном языке обеспечили столь долгую «свободную» жизнь журнала и, например, возможность опубликовать повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Виноградов вспоминает, как доклад Хрущёва на XX съезде КПСС и начало оттепели повлияли на мировоззрении писателей, печатавшихся в «Новом мире», и как нарастание напряжения вокруг «Нового мира» с середины 1960-х годов привело к реорганизации редколлегии и отстранению Твардовского от руководства журналом в 1970 году.

Значительная часть беседы посвящена описанию встреч с Александром Солженицыным.

О характере и мировоззрении Александра Твардовского

Игорь Иванович Виноградов: В прошлый раз я попытался как-то немножечко передать обаяние личности Твардовского, набросать какой-то его приблизительный, конечно, но все-таки правдивый и достаточно точный портрет. Могу только повторить еще раз, что, конечно, именно личность Твардовского — это центральный, так сказать, фактор, феномен. Феномен «Новый мир» — это именно личность Твардовского как ее природная сторона, то, чем господь наградил Твардовского в смысле характера, в смысле склада психики. Для человека, для которого было характерно, безусловно, во все времена и в молодости, и когда угодно, — это склад характера именно. Это удивительная цельность...

Так вот, я хочу сказать, что центральное ядро личности Твардовского — это, конечно, такая цельность характера. Цельность характера в том смысле, что это человек, у которого дела, жизнь, жизненное поведение, выбор жизненный происходят в полном соответствии с теми убеждениями, которые этот человек выработал в себе к данному моменту. Убеждения менялись, но очень медленно. В хорошую, лучшую сторону, но медленно. И он был всегда верен своим убеждениям.

Он никогда не боялся идти на конфликты, на сложности, когда этого требовали убеждения. Я хорошо помню, когда уже после разгона «Нового мира», когда Твардовский как бы вышел в отставку, Брежнев уже подписал разрешение на его увольнение, где-то летом, к июню месяцу, ко дню рождения Твардовского (он родился, по-моему, чуть ли не 22 июня*)... Он поехал проведать — я не помню кого — старшего или младшего из Медведевых: то ли Жореса, то ли [Роя]... Ну, одного из Медведевых, который был в это время в опале**. Когда он вернулся, Воронков, оргсекретарь Союза писателей, который постоянно держал связь с «Новым миром» в эти непростые и очень тяжелые годы — связь в том смысле, что все приказы начальства, настроения начальства доносились до нас через него, он и был транслятором, — сказал: «Ну, Александр Трифонович! Ну что же вы! А вам хотели Героя Социалистического Труда дать!» Значит, ко дню рождения. Твардовский ответил: «А что, героя за трусость дают?»

* А.Т. Твардовский родился в 1910 году 21 июня по новому стилю или 8 июня по старому.

** Жорес и Рой Медведевы — братья близнецы. Скорее всего, Твардовский навещал Жореса Медведева, который в мае 1970 года был насильственно помещен в Калужскую психиатрическую больницу.

Екатерина Андреевна Голицына: Молодец!

И.В.: Да, это для него было очень характерно. Я не думаю, что он не шел на компромисс. Когда-то он шел на какие-то компромиссы, но тогда это был расчет бойца, борца, который выбирает тот путь, который в данном случае представляется ему наиболее разумным. Вот это природное ядро характера, цельного, упорного, верного своим убеждениям, и весь тот слой культурный, который пришел к нему с образованием, — это две стороны его личности.

Он был очень образованный человек. Он закончил ИФЛИ и хорошо закончил ИФЛИ. Очень много читал. Его друзьями были такие люди, как Михаил Александрович Лифшиц — это вообще один из умнейших людей России и образованнейших марксистов.

Конечно, Твардовский развивался в русле марксизма, но того марксизма, который разделяли такие близкие ему люди, как Лифшиц, как Игорь Александрович Сац. Это был социализм, так сказать, ленинских принципов, а не сталинских, не сталинского извода. Во всяком случае, марксизм Твардовского, так же как и марксизм Саца, марксизм Лифшица, покоился на самостоятельной, большой работе очень сильной мысли. Твардовский в этом смысле был блистательно образован, умен, всегда умел обосновать свои позиции. Если говорить о том, что он был в 60-е годы, можно сказать так, совершенно безусловно одним из вождей оттепели, следовательно, одним из лидеров того движения, которое позднее стали называть «социализм с человеческим лицом», то это для него характерно, это для него органический путь, органическая идеология, которая выросла из его марксизма и покоилась на марксистской базе. Это действительно так.

Можно сказать, что это имеет прямое отношение к тому, почему «Новый мир», не смотря на то,

что в конце концов он в 70-м году был разогнан, но все-таки до 70-го года в течение долгих двенадцати лет с 58-го до 70-го, особенно последние пять-шесть лет он все-таки держался, и его не могли потопить никаким образом, хотя эти попытки начались довольно рано. И вот к ним я сегодня и перейду.

Да, я должен еще сказать, что именно в том марксизме, который исповедовал Твардовский, которому он был верен, была одна из причин непотопляемости «Нового мира». Безусловно. Твардовский всегда любил говорить: «Я могу сказать на Красной площади все то же самое, что я говорю здесь, в кабинете. Вот все, что я говорю в кабинете, я могу повторить». Действительно, он мог это повторить. Он повторял это на всякого рода официальных партийных и прочих собраниях, не скрывая своих позиций. И это была сила, безусловно. В этом была сила его и одна из причин непотопляемости журнала, потому что он говорил с верхами, с властью на ее формальном языке. Потому что власть как раз была далека от того марксизма, от тех ленинских принципов, которые исповедовал Лифшиц, исповедовал Сац, исповедовал Твардовский. Но ничего не поделаешь — терминология была одна, формально идеология была одна, поэтому с ним было очень трудно разговаривать: он крыл власть ее же собственными понятиями и аргументами.

” Я сказал, что в мировоззренческом наполнении Твардовского была и сила, и слабость. Сила — я говорю в том смысле, что это была сила журнала. Журнал от этого не проигрывал, а устойчивость его только выигрывала. Но для личности Твардовского как поэта это была, конечно, слабость.

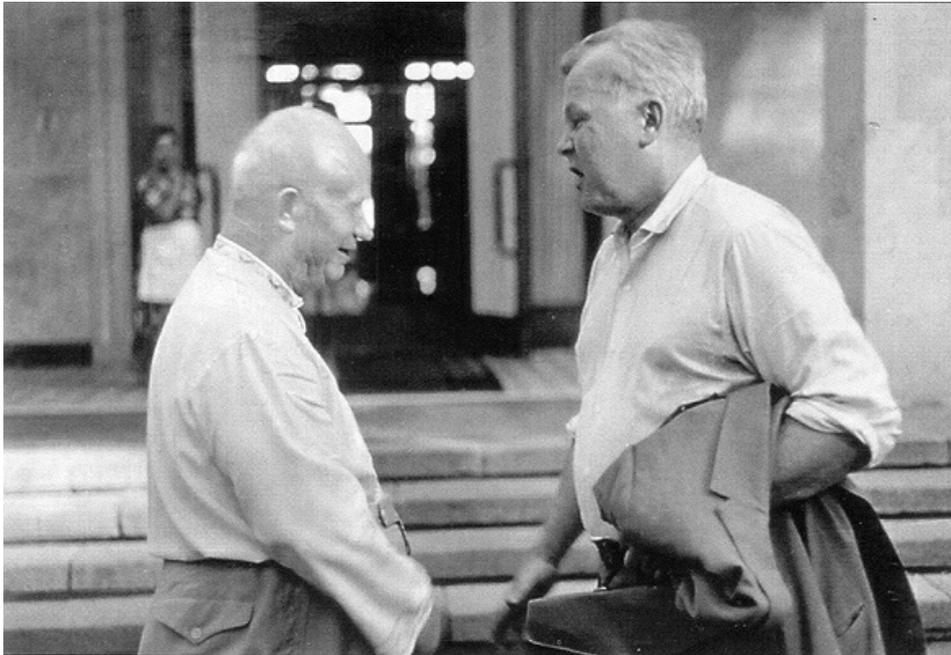
Слабость, которая помешала ему (я об этом писал, не буду повторяться, если кому-то нужно, пусть почитают мои воспоминания о Твардовском, мое интервью* в «Континенте» было напечатано) выйти из тех рамок, в которые было заковано его мировоззрение, из рамок марксистской парадигмы, так сказать, и выйти в то плавание свободной мысли, которая могла бы раскрыть его потенциалы гораздо больше, чем это произошло. Он мог бы стать — безусловно, по задаткам дарования он был такой — поэтом такого же масштаба и такой же величины, как Пастернак, как Мандельштам. Безусловно, да. К сожалению, в это пространство он не вышел, оставаясь прежде всего гражданским поэтом, с марксистской такой подосновой, что, мне кажется, было его какой-то бедой.

* Игорь Виноградов. Он остался одной из самых светлых личностей в моей жизни... // Континент, 2010, №144.
<http://magazines.russ.ru/continent/2010/144/vi15-pr.html>

Переворот его мировоззрения произошел примерно так же и в то же самое время, когда и у большинства тех, кто жил в 60-е годы даже независимо от возраста, то есть в связи с XX съездом. Доклад Хрущёва на XX съезде о культе личности действительно произвел ошеломляющее впечатление на многих людей, которые искренне верили в благодетельность сталинского правления, в то, что мы самая передовая страна мира, что мы идем по верному пути, в то время как Запад — это сплошное гниение, разложение и упадок.

Если говорить о причинах, так сказать, долгой непотопляемости «Нового мира», еще это то, что он не только говорить умел с властью, но он был вхож в вышние эшелоны власти. Даже он сам шутил, что вы все почему-то уверены, что я могу спокойно зайти выпить чаю с Хрущёвым. Это было не так, но тем не менее... Не забудем, что он был лауреатом Государственной премии и Сталинской премии. Он был орденноносец, получил орден Ленина еще студентом. И был знаменитым поэтом. Он был кандидатом в члены ЦК — это огромное, да... Он выступал на съездах партийных. Он был автором «Василия Тёркина», а «Василий Тёркин» — это, безусловно, народная поэма. Я уверен в этом совершенно, что не было ни одного человека в России, который не знал хотя бы нескольких строчек из «Василия Тёркина»: «Переправа, переправа...» или что-нибудь еще. Там же многие стихи — «...я не гордый, я согласен на медаль...» и так далее — вошли просто в пословицы. Это поэма, которая получила высшее признание и за рубежом, потому что сам Иван Бунин признал, что это настоящий шедевр, это настоящая вещь,

был восхищен этой поэмой.

Н.С. Хрущев и А.Т. Твардовский. Пицунда, 1963. Фото В.С. Лебедева. Источник фото: www.peremeny.ru

Об авторах и читателях «Нового мира»

Это то, что базировалось именно на этой основе социализма с человеческим лицом, и на этой почве выросло. Значит, это была небесплодная почва. Она была небесплодной именно потому, что акцент в этом мировоззрении 60-х годов, свойственном очень большому, широкому кругу... В данном случае «Новый мир» представлял собой как бы орган вот этого широкого движения мысли, который был характерен для интеллигенции, для всех развитых умов, всех, кто способен был как-то рефлексировать. И это было мировоззрение, где акцент был не на «социализме», а на «человеческом лице», в этом все дело. Что такое социализм — можно было спорить: такой, не сякой, что для этого требуется, нужна ли там общественная собственность на орудия и средства производства, допустима ли там свободная инициатива, рыночная экономика... Это можно было спорить, действительно, были споры. Но все либеральное, демократическое, такое свободолобивое, вольнодумное течение и поколение 60-х годов было убеждено в том, что социализм должен быть с человеческим лицом. Это была основа. А раз так, то понятно, что для того, чтобы атмосфера в стране и вообще страна стала жить согласно нормам вот этого социализма с человеческим лицом, нужна была прежде всего правда. Это был один из главных лозунгов и убеждений Твардовского, который он повторял не раз, и выступая на съездах партии, выступая на съездах Союза писателей, что правда это то, что мы обязаны нести людям, и поэтому, скажем, основным направлением в прозе, в литературе было то, что можно вполне так назвать по аналогии с XIX веком критическим реализмом. Критический реализм на социалистической такой основе, но безусловно критический реализм в том смысле, что это было стремление прежде всего сказать правду, критическую правду о том, что со страной делается, что делалось раньше. И на этом, в общем, выросло целое поколение в 60-е годы. Причем это не только молодежь типа Искандера, Битова, Трифонова, тех шестидесятников, которые пришли в 60-е годы со своим первым словом. Но это было характерно для очень многих людей и авторов «Нового мира», в том числе ровесников Твардовского, людей даже старше его или близкого к нему возраста. Скажем, переворот, который произошел с Нилиным, который был такой лояльный советский писатель, а потом вдруг две такие повести, как «Жестокость» и «Испытательный срок», которыми он прославился в 60-е годы, — очень правдивые и очень честные вещи. Или перемена, которая произошла с Дорошем, который был вполне таким тоже советским,

просталинским где-то может быть даже «деревенщиком»-очеркистом. На которого XX съезд и атмосфера оттепели тоже произвела очищающее действие в его душе, и он стал тем Дорошем, который написал знаменитый «Деревенский дневник», печатавшийся в «Новом мире», где впервые, по сути дела, была поставлена проблема необходимости предоставления русской деревне возможности свободного хозяйствования, чтобы крестьянин был хозяином своего дела и своей земли. То же самое можно сказать об Овечкине. Я вам говорил, по-моему, о том, что забавный конфликт у нас вышел с Овечкиным вначале моего появления в «Новом мире», но это такая рабочая деталь жизни. Отсюда, я повторяю, ставка на такой критический реализм и на серьезный разговор о жизни, которая была неизменна и абсолютно упряма, о чем бы речь ни шла: шла ли речь эта о прозе или шла ли речь эта о поэзии.

Я, по-моему, говорил уже вам, что случай забавный очень был тогда. В «Новом мире» было почетно напечататься тогда всем молодым, которые тоже пришли только, и авторам «Юности», скажем, да. Все-таки «Новый мир» был как бы высшей пробой профессионализма. Поэтому Твардовский (я это тоже говорил, по-моему) хорошо относился к Евтушенко, хотя не все ему нравилось в этой поэзии, и все то, что шло как бы так от авангарда, от модернизма, было чуждо его поэтической природе. То же самое, когда он понимал, что, в общем, Андрей Вознесенский — это культовая фигура у молодежи. Но то, благодаря чему Вознесенский был такой культовой фигурой, все то, что несла форма его стихотворений, все эти «треугольные груши» и так далее, это было глубоко чуждо Твардовскому. Он все время жаждал и ждал живого какого-то слова. Когда Вознесенский принес однажды свои стихи в «Новый мир», Твардовский посмотрел эти стихи, сказал так, сморщившись: «Андрюш, ну, хоть бы у вас кого-нибудь из родных трамваем зарезало».

Е.Г.: Да, вы это говорили.

И.В.: Я говорил. Ну, куда-нибудь поместите вы. Теперь я думаю, что это сюда лучше всего, вот.

Отсюда вот то направление журнала, которое сказывалось и в критике, и в прозе... Я говорю сейчас как бывший сотрудник «Нового мира», поэтому я не могу, может быть, объективно оценивать как историк литературы все то, что сделал «Новый мир», но я думаю, что «Новый мир» сделал действительно очень много. Действительно, посмотрите, кто печатался в «Новом мире» вот за те годы, с 58-го по 70-й, когда был разогнан, — двенадцать лет, если считать более точно, десять с небольшим. Это Солженицын, который напечатал и «Один день Ивана Денисовича», и «Матрёнин двор», и «Случай на станции Кочетовка», и «Захар-Калита», — это все «Новый мир»! Солженицын, который принес в журнал «Раковый корпус». «Раковый корпус» был все время на подходе, он мог выйти тогда, если бы не случились другие обстоятельства.

Фазиль Искандер дебютировал своим «Созвездием Козлотура» в «Новом мире» как раз при мне, когда я был заведующим прозой. Виктор Некрасов стал постоянным автором «Нового мира». Рассказы его «Мамаев курган» и «Кира Георгиевна» — это все было напечатано в «Новом мире». Шукшин тоже был автором «Нового мира». Залыгин, который стал потом преемником Твардовского в какой-то мере, в 87-м году главным редактором «Нового мира». Его «Сибирские повести» печатал «Новый мир». Трифонов — тоже человек, который был создан на страницах «Нового мира». Дорош, Овечкин — я уже говорил.

Фёдор Абрамов, ленинградский, его лучшие вещи «Две зимы и три лета», «Братья и сестра» — это то, что печатал «Новый мир». Борис Можаев со своим знаменитым «Фёдором Кузькиным»*. Где-то у меня сохранился оттиск из «Нового мира». «Новый мир» авторам обычно дарил не только экземпляры журнала, а еще их произведения, напечатанные в этом номере отдельно... Покрывалось обложкой, шивалось как-то, и такой вот оттиск дарился отдельно, да. И у меня где-то дома хранится (давно не встречал, не знаю, может быть, и куда-то затерялось, это было бы очень досадно) вот такой оттиск с «Фёдором Кузькиным» с надписью Бори Можаева «Крёстной матери «Фёдора Кузькина»», потому что я принимал некоторое участие в какой-то редакции этой вещи.

* Повесть «Из жизни Фёдора Кузькина» («Живой»), написанная Б.А. Можаевым в 1964–1965 годах.

Владимир Тендряков — один из ведущих авторов 60-х годов. Сейчас его забыли немножко, так сказать, не немножко, а порядочно. Он был просто слишком характерен именно для 60-х годов, но в 60-е годы это имя гремело. Это автор «Нового мира».

Володя Войнович самые первые рассказы, и «Хочу быть честным»... Кроме этого самого «Ивана Чонкина», «Приключения Чонкина»*, который Твардовскому не понравился, и у Войновича по этому поводу возникла обида на Твардовского, которую он так и не преодолел, но повесть была напечатана позднее, увидела все-таки свет, и эта вещь в своем роде — первая ее часть — замечательная. И все, что до этого было, это все печаталось в «Новом мире».

* Полное название романа В.Н. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина».

Василь Быков — это из военных писателей, один из самых крупнейших, в общем, конечно, писателей того времени, 70-х годов, 60-х годов. Вот, это тоже «Новый мир».

Елена Ржевская, знаменитая наша разведчица, которая принимала участие в опознании трупа Гитлера и написала это потом в книге «Берлин. 45-й год»*. Потом она стала автором целой серии замечательных военных повестей... Это тоже цикл полностью в «Новом мире». Так же как ее муж, Изя Крамов, он критик, — это тоже «Новый мир».

Бакланов, Вера Панова. Ну, в общем, весь цвет тогдашней литературы. Трудно назвать какие-нибудь имена, — если есть, то это просто какие-то единицы, наверное, — которые как-то обошли своим появлением в 60-е годы «Новый мир». То же самое, если взять критику. С поэзией сложнее, тут я сказал. А если взять критику, то, в общем, картина та же самая, потому что один из главных, ведущих критиков «Нового мира», Лакшин — это критик «Нового мира». Юрий Буртин — это критик «Нового мира». Эмиль Кардин — это критик «Нового мира» с его знаменитой статьей о залпе «Авроры», по поводу чего было много неприятностей у «Нового мира». Феликс Светов, Игорь Золотусский печатались в «Новом мире». Крамов, я уже сказал. Михаил Александрович Лифшиц лучшие свои вещи напечатал тоже в «Новом мире» в это время. Из старых критиков, из ровесников Лифшица и Твардовского, Дементьев и Сац — это тоже авторы «Нового мира».

* Книга Е.М. Ржевской называется «Берлин, май 1945».

Журналы «Новый мир» и «Юность» в годы оттепели

Это, в общем, такой широкий фронт либерально-демократически настроенной интеллигенции с жадной надеждой наконец выяснить, сказать правду о стране и выйти к каким-то перспективам более свободного, с человеческим лицом развития России. Широкий фронт. И вот в этом, можно сказать, очень большое, принципиальное даже, я бы сказал, отличие «Нового мира» от таких журналов XIX века, передовых, прогрессивных журналов, знаменитых, звездных журналов, как «Современник», «Отечественные записки», «Русская мысль» и так далее, да. Отличие в том, что в XIX веке это было несколько журналов, отличавшихся оттенками, не оттенками даже, а каким-то направлением, но направлением в общем русле все-таки либерально-демократической мысли. «Новый мир» был одним единственным журналом, других таких журналов не было. Просто он был той щелью, в которую этот воздух свободы как-то проникал и преображал собою пространство вокруг. Несмотря на то что это было такое широкое, как бы так сказать, представительство общественных движений, тем не менее это была абсолютно идеологическая определенность. И в этом отличие «Нового мира» от второго потока, я бы сказал так, от второго потока оттепели и второго русла, которым воздух оттепели производил тоже преобразующее какое-то свое действие.

«Новый мир» — это тот орган, который все-таки пытался поднять идеологическое знамя, теоретическое знамя, и отстаивал какие-то принципы, какие-то убеждения, какое-то мировоззрение вырабатывал, в отличие от того течения оттепели, которое происходило на уровне жизненно-бытовом, я бы сказал так, которое не было очень затронуто какими-то чисто мировоззренческими поворотами, преобразованиями, поисками, сдвигами, а просто почувствовали, что можно легче как-то жить. Можно легче жить, свободнее

жить, особенно после Фестиваля молодежи*, который прошел в Москве и когда появилась...

* VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, открывшийся 28 июля 1957 г. в Москве.

Е.Г.: А расскажите что-нибудь.

И.В.: Я, по-моему, рассказывал уже об это немножко, да.

Е.Г.: Очень мало.

И.В.: Да, когда просто появилась в Москве абстрактная живопись, когда можно было посмотреть на то, что делают на Западе. Это все было откровением для молодежи. Когда можно было услышать другую музыку. И там какая-то «Синяя птица» — ресторанчик недалеко от...

Е.Г.: На Малой Дмитровке.

И.В.: На Малой Дмитровке, недалеко, кстати, от «Нового мира»... Там можно было послушать джаз настоящий. Целое поколение, собственно, этим жило... Значит, и это вот то течение раскрепощенности, раскрепощенной, какой-то более живой такой жизни, которой общество не жило в сталинские времена. Вот это настроение, этот воздух, это ощущение жизни — это то, что в большей мере передавалось на страницах журнала «Юность». Такая молодежная проза, «Апельсины [из] Марокко», что-нибудь такое, что действительно несло в себе ощущение какой-то новой жизни, свежей жизни. Это был поток как бы развивавшийся, шедший в том же направлении, куда и «Новый мир», но только «Новый мир» был, как бы так сказать, идеологически выдержанной инстанцией, а что касается «Юности», это все-таки было гораздо более спонтанно, гораздо более раскрепощено, жизненно раскрепощено, чем идейно осмысленно, скажем так.

Я помню, как уже во времена, когда я был членом редколлегии «Континента», Юлиу Эдлис как-то принес свои воспоминания в «Континент» о 60-х годах. Я прочел и сказал ему: «Юлиу, слушай, такое ощущение, что вы только и делали, что ходили по ресторанам, смотрели какие-то фильмы, вообще был сплошной такой праздник, да. Как-то, в общем, я не так это время вспоминаю». Он говорит: «Да, я знаю, что у меня было такое ощущение, что это просто сплошной праздник был, — он был автором «Юности», — что это сплошной праздник». Вот такого ощущения у нас в «Новом мире» совершенно не было.

Я говорю не только про себя. Про себя я рассказывал в прошлый раз, что я уже в 56-м году, когда впервые до меня дошли сведения об этом самом съезде партии, о докладе Хрущёва, я уже тогда понимал, что это нам шанс исторический. Будет время недолгое, которое не может быть принципиальным переворотом в жизни этой страны и этого режима. Но та щель, которая будет открыта для гласности, — это та щель, которой надо воспользоваться всеми способами для того, чтобы как можно больше свежего воздуха в эту щель проникло. Я это понимал тогда уже... Простите, я немножко сбился с мысли, сейчас я скажу.

Е.Г.: Что в «Новом мире» не такая была обстановка, как в «Юности».

И.В.: Да, но в «Новом мире» не такая была обстановка...

Е.Г.: И не сплошной праздник был.

И.В.: Да. Нет, это был не сплошной праздник, тем более, что как раз именно почти в середине этого новомирского периода Твардовский пришел второй раз в «Новый мир», я говорил, в 58-м году, а в 70-м году журнал был разогнан, — почти двенадцать лет! В 62-м году был напечатан Солженицын, и это вершина, в общем, достижений «Нового мира», та точка, острее которой, может быть, и не было в журнале. Хотя надо сказать, что и вся остальная проза, которая печаталась в «Новом мире», я немножко перечислял сегодня состав этих имен, — это все был тот уровень, вне которого никакого Солженицына бы не появилось. Солженицын в этом смысле был, может быть, на какой-то порядок выше и по таланту, и по значимости, и по тому, что он сделал, но это было то же самое направление и это была та же самая основа.

В этом смысле Солженицын не был случайностью для «Нового мира», а это было порождение всего того, на чем стоял «Новый мир». И в этом смысле можно сказать, что «Новый мир» и Солженицына породил. В том смысле, что без «Нового мира» вряд ли Солженицын получил какой-то выход в медийное пространство, как сейчас у нас говорят.

Так вот, я сказал, что в отличие от того, как чувствовали очень многие люди, более близкие, скажем, кругу «Юности» время оттепели, мы не чувствовали это как сплошной праздник, как время, когда многое для нас открыто и многое мы можем сделать, но это было время постоянной борьбы. Бывало так, что «Новый мир», скажем, запаздывал, потому что были цензурные изъятия, и запаздывал надолго, но публика, наши читатели никогда нас за это не винили, никогда. «Новый мир» выходил вдвое тоньше, чем обычно, это значило, что что-то выдрали, что-то не пустили.

Борьба с цензурой и «секретарской» литературой

В общем, мы практически каждый номер делали в полуторном или двойном размере с расчетом на то, что что-то пойдет, а что-то может не пойти. Потому что битвы с цензурой, которые вел обычно Алёша Кондратович, зам Твардовского, — это были жестокие очень битвы. Я два раза присутствовал на них как член редколлегии, как заведующий отделом прозы, скажем, по поводу романа Бека «Новое назначение», который долго очень мурыжили в цензуре. И разговоры, которые велись в цензурном комитете действительно, я повторяю, были очень жестокие. При мне, когда я два раза был, я несколько раз слышал, как цензорша, которая нас вела, и второй цензор говорили: «Как? Как вы можете с нами так говорить?» А мы говорили достаточно определенно, достаточно жестко и достаточно требовательно. И что-то удавалось, конечно, отбивать. Что-то — нет, а что-то удавалось. И это ситуация не просто борьбы, постоянной борьбы с цензурой, а это ситуация оттепели, ситуация «Нового мира» этого времени. Это ситуация постоянной борьбы с той «секретарской» литературой, как мы ее называли, официальной литературой, поощряемой или просто принадлежащей перу секретарей Союза писателей, «секретарской» литературой, с прессой — с журналами, с газетами, официальной прессой, которая довольно рано начала достаточно жесткую борьбу против «Нового мира».

С самого первого появления Солженицына, с повести «Один день Ивана Денисовича», несмотря на то что повесть эта, как все знали, была разрешена к печати Хрущёвым, и была одобрена Политбюро ЦК партии, несмотря на это, эта вещь с самого начала встретила очень жесткое, упорное сопротивление всей, скажем так, консервативной братии, сталинской или просталинской, постсталинской братии, которая прекрасно понимала, что если дать этому победить и дать этому как-то разрастись, то придет конец всей той жизненной лафе прежде всего, которой вся эта братия, все это направление официальной литературы, «секретарской» литературы, пользовалось.

Если говорить о том, как осуществлялось это противостояние, то здесь нужно прежде всего сказать о журнале «Октябрь», во главе которого стоял известный в то время писатель Кочетов. Это был «Огонёк», во главе которого был тоже знаменитый писатель того времени Софронов, автор «Стряпухи», пьесы, которая шла по всем московским театрам. Это Союз писателей России, одним из главарей которого был писатель Соболев. В самом Центральном Комитете партии было достаточно много людей, которые допускали как причуду Хрущёва то, что он разрешил напечатать «Один день Ивана Денисовича», но прекрасно понимали, какую опасность представляют собой этот писатель и развитие такого рода мыслей, такого рода мировоззрения.

Понижение статуса Твардовского и нападки на «Новый мир»

Если посмотреть на эти годы, конец 50-х и начало 60-х годов, до начала разгрома «Нового мира», то мы увидим каким образом, как постепенно понижался статус, вот тот вельможный что ли, если можно так сказать, статус Твардовского, который был в какой-то мере спасательным кругом для «Нового мира». В 58-м году Твардовский выступал с речью на XXI съезде* — это большой почёт. В 59-м году он произнес свою знаменитую речь на III съезде писателей с лозунгом «правды прежде всего», «правды прежде всего, и ничего другого». В 60-м году он уже кандидат в члены ЦК, речь на XXII съезде**. А вот после того, как появился «Один день Ивана Денисовича», разрешение на которого действительно было дано на самом вершине, происходит постепенное-постепенное-постепенное зажимание. Так сказать, зажим возможности для дальнейшей жизни «Нового мира» и постепенное отобрание всех этих регалий, которые были у Твардовского как у знаменитого народного поэта, кандидата в члены ЦК, редактора самого главного журнала страны, первенства которого никто не отрицал, поэтому было к нему такое пристальное внимание.

* XXI съезд КПСС проходил с 27 января по 5 февраля 1959 г.

** XXII съезд КПСС состоялся с 17 по 31 октября 1961 г. Твардовский был кандидатом в члены ЦК КПСС в 1961—1966 гг.

В 63-м году произошло это известное собрание художественной интеллигенции, где Хрущёв выступал и кричал на молодежь, но это без «Нового мира» прошло, что, видимо, тоже было каким-то симптомом, что, в общем, нас не очень-то считали нужным туда звать, на такого рода совещание, где без нас пытались расправиться с молодежью... И сразу после этого совещания стало чувствоваться, что нападки на «Новый мир», на новые рассказы Солженицына, которые печатались позднее в других номерах, уже позднее 62-го года, что все это становится уже неизбежностью и некоторой тенденцией и традицией. Хотя повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича» была выдвинута на Ленинскую премию, официально зарегистрирована и принята как бы к обсуждению. Но обсуждение, которое началось, было во многом организованным, и организованным как раз силами противостояния нам. И нажим был такой, что и Хрущёв вынужден был дать согласие на то, чтобы разбирались без него и на то, чтобы «не хотите давать — не надо». И Солженицыну не дали Ленинскую премию, да. Я не помню, какому произведению дали, но было понятно, что самое главное — это не дать Солженицыну. Особенно после того, что в журнале была напечатана статья Володи Лакшина «Друзья и недруги Ивана Денисовича»*, которая растолковывала как-то смыслы этой вещи, которая была в защиту этой вещи, что было поставлено «Новому миру» в еще большую вину.

* Владимир Лакшин. Иван Денисович, его друзья и недруги. // Новый мир, №1, 1964, С.223-245.

Встречи с Александром Солженицыным

Тут не в первый раз в моем рассказе появляется имя Солженицына. Я такое маленькое отступление сделаю в эту сторону, немножко расскажу о своем знакомстве с Солженицыным, о том, как я его видел в «Новом мире», что он собой представлял в то время на мой взгляд и потом немножко позднее.

Ну вот, я расскажу немножко сейчас о том, как я познакомился с Солженицыным, и как я помню Солженицына периода «Нового мира». Впрочем, как впервые я познакомился с ним как с писателем, я рассказывал уже. О том, что, когда я стал печататься в «Новом мире» и стал постоянным автором отдела критики, мне сотрудники отдела критики дали возможность прочитать еще в рукописи «Один день Ивана Денисовича». Я об этом рассказывал.

Е.Г.: Да.

И.В.: И как-то уже после этого, когда Солженицын впервые появился в «Новом мире», пришел в кабинет... Ну, может быть, не впервые, во второй или третий раз, но я увидел Солженицына первый раз в «Новом мире», в дверях кабинета. Нас познакомили. Он так окинул меня цепким, пронзительным взглядом. Он был с такой шкиперской бородкой тогда. Он сказал: «А! Вот вы какой, значит!» Из чего я заключил, что он меня читал. Обнаружилось потом, что действительно он меня читал.

А.И. Солженицын у входа в редакцию журнала «Новый мир». Москва, 1960-е гг. Источник фото: www.solzhenitsyn.ru

Дальше было мое общение с ним. 65-й год точно, 65-й или 66-й год, что-то в этом духе. Я в это время заведовал отделом прозы, и мы начали готовить к печати «Раковый корпус». «Раковый корпус», который внимательно читала и должна была редактировать Анна Самойловна Берзер, и я как заведующий отделом тоже к этому подключился. Я помню наш разговор по этому поводу, по верстке «Ракового корпуса». Он был уже сверстан, готов к печати, но после обсуждения на секретариате Союза писателей разрешение его печатать было отменено. Какие-то наши разговоры во время этой редактуры я помню. Я помню, например, что я, будучи тогда еще совсем мальчишкой, в сущности, по сравнению с Солженицыным, а в смысле жизненного опыта — и говорить нечего, который прошел огонь, и воду, и медные трубы, что называется, я как-то прицепился к какому-то одному там месту, когда Костоготов, главный герой «Ракового корпуса», когда начинается тема любовных отношений героя с Вегой, докторшей, с Зоей Пчёлкой, медсестрой, и когда в связи с этим во внутреннем монологе каком-то, который Солженицын дает Костоготову, Костоготов думает про себя или даже как-то кричит про себя: «Я больше...» Сейчас точно я не помню, не могу процитировать, но смысл тот, что «бабу мне, бабу!» Мне показалось, что это как-то противоречит общему рисунку характера Костоготова, который, ну, более интеллигентен, что ли, так сказать. И мне показалось, что, наверное, было бы правильнее и больше соответствовало бы характеру этого героя, если бы он просто сказал «женщина», да, что-то в этом духе. Солженицын, я помню, подумал, внимательно так, вдумываясь, проверяя как бы. «Нет, — сказал. — Нет, должно быть так». Что, в общем, правильно...

Какие-то вещи он принимал, какие-то вещи языкового характера, когда его попытки уж настолько обновить русский язык всякого рода новыми образованиями приобретали несколько экстравагантный характер. Вот что именно точно, я сейчас не помню, но принимал какие-то вещи. И вообще был очень внимателен в этой работе по редактуры, очень серьезен, абсолютно не агрессивен, но и не податлив.

Какие-то штрихи того времени наших встреч, наших разговоров я помню. Я именно как штрихи, может быть, и передам это с тем, что пусть они ложатся с моей стороны какими-то красками на тот портрет, который существует уже у всех в голове, так или иначе. Каждый себе создал этот портрет. Что они говорят, я сейчас не буду пытаться это расшифровать, я просто их передам, эти вещи.

Я очень хорошо помню, как происходило обсуждение на секретариате Союза писателей «Ракового корпуса». Собственно, не столько обсуждение, которое было совершенно понятно, каким оно будет, и что

там будет, сколько помню Солженицына, образ и фигуру Солженицына на этом собрании, который пришел в это «родовое гнездо» советской литературы, в этот высший орган советской литературы — секретариат Союза писателей СССР, на официальное совещание с какой-то авоськой, в которой лежали несколько десятков яиц. Это была такая откровенная демонстрация, так сказать, очень типичная для него. Он пришел вот так вот, потому что — а что? Вот он так живет, он в Рязань свою повезет вот эти яички, потому что в другом месте их не купишь.

”

С одной стороны, это была демонстрация такая, а с другой стороны, это было утверждение того способа жизни, к которому он привык и с которым считайтесь, как хотите.

А.И. Солженицын. Источник фото: www.gettyimages.com

Я очень хорошо помню, как мы вышли однажды из «Нового мира» вместе, и он спрашивает: «Игорь Иванович, скажите, а где здесь можно купить ленту для машинки недалеко?» А в это время на Пушкинской улице, недалеко от угла Пушкинской площади был магазин пишущих машинок. Я его привел туда, и он просит дать ему эту самую ленту. И ему дают ленту, которая была на пластмассовой катушке намотана. А он говорит: «А нет у вас на деревянной катушке?» Нет, на деревянной не оказалось в магазине, а ленты тогда продавались, действительно, двумя видами: катушка пластмассовая, она уже была готова к тому, что ее можно было ставить на машинку и начинать печатать, и деревянная — это даже не катушка, а такой

валик, на который просто наматывалась лента. Лента на деревянном валике была дешевле значительно, я не помню, сколько стоила тогда лента, но это стоило на сколько-то копеек дешевле. И Солженицын говорит: «Зачем я буду платить лишние деньги за пластмассовую катушку, которая у меня есть? Я ее наматаю!» Вот. И в этом была не демонстрация, потому что перед кем ему было демонстрировать? Передо мной, что ли? Он как бы объяснял, может быть, ему немножко даже неловко было, но он привык экономить и жить вот так, и он этого не стеснялся никогда.

Тем не менее были какие-то моменты, когда я очень хорошо понимал, что передо мной человек, действительно прошедший огонь, воду и медные трубы, боец, привыкший бороться постоянно и ставить перед собой цели и добиваться их. И рассчитывать точно очень удары или их манеру поведения, которая должна привести к тому, чего он хочет. В этом смысле для меня абсолютно не было какой-то неожиданностью такой большой и не произвело какого-то такого неприятного впечатления, как это произвело на очень многих, я знаю, то место из фильма BBC о возвращении Солженицына в Россию, где есть кадры, когда он подъезжает к какому-то из городов, Владивосток или Хабаровск, что там было, не помню, один из восточных наших крупных городов, и они в вагоне с Наташей Солженицыной. Она его спрашивает, как себя вести. Он дает ей наставление, какая должна быть мимика, какое должно быть поведение. Оператор BBC схватил этот момент, который, конечно, не предназначался для чужих ушей. И я знаю, что потом многие об этом говорили, что он манипулятор, он такой режиссер, который рационально все продумывает, в этом есть маска какая-то, он играет на этой маске.

”

Я никогда так не считал, потому что я понимаю, что природа Солженицына и ядро его личности — это полное ощущение своего, действительно, мессианского призвания, что он, в общем, меч в руках Божьих для того, чтобы бороться со всякой нечестью, и что в этой борьбе он должен продумывать все.

Это даже не актерство, потому что это соответствовало реальному внутреннему состоянию и его, и Наташи. Они не играли, они просто выбирали манеру естественного поведения. Это не фальшь, это не чистая маска, это не театр — это жизнь.

Вспоминая этот эпизод, уже более поздний, я вспоминаю, как он однажды пришел в «Новый мир» и заходит ко мне в кабинет. Мы были уже достаточно хорошо знакомы, но не так, чтобы уж слишком близко, это естественно. Он заходит в кабинет, подходит ко мне, обнимает меня, говорит «здравствуйте», чуть ли не целует в щеку, я уже точно не помню, но что-то в этом духе. Во всяком случае, меня удивила теплота, степень расположенности, которая в его поведении в этот момент демонстрировалась мне.

Е.Г.: Он обычно сдержанный был, да?

И.В.: Ну, он был сдержанней гораздо всегда. Потом у нас начинается разговор, из которого я понимаю, что он пришел просить меня принять участие... Не помню сейчас точно, что именно, но была какая-то история с дочкой его родственницы в школе, какие-то неприятности. И он просил меня вмешаться в это дело и как-то от «Нового мира», в качестве члена редколлегии позвонить туда и что-то говорить, в общем, разрулить как-то неприятную ситуацию. Ну, я, разумеется, это сделал, хотя, можно сказать, что у меня остался немножко какой-то осадок, как это было сделано с его стороны. Но, опять-таки, я и это не считаю таким уж каким-то большим грехом или свидетельством его неискренности, фальшивости и так далее. Нет, он был достаточно искренен всегда, но в тех пределах открытости или закрытости, которые он сам для себя ставил.

Я помню расставания. Дальше, когда был разгромлен «Новый мир», это февраль 70-го года. Он пришел попрощаться тоже как-то, да, и мы тоже вышли вместе с ним из «Нового мира». И я говорю ему: «Александр Исаевич, давайте прощаться. Надеюсь, что где-то в ближайшее время еще увидимся мы с вами». «Нет, — сказал он. — Игорь Иванович, наверное, уже и не увидимся. Наверное, уже не увидимся,

потому что, в общем, сейчас, видимо, как-то разойдутся по жизни наши пути...»

Е.Г.: Что он имел в виду?

И.В.: Что не будет площадки для встречи. И прямой как бы необходимости для встречи тоже не будет. Ведь «Новый мир» прекратился.

Е.Г.: Это понятно, да.

И.В.: С этим надо отдать себе отчет, что прекращаются какие-то отношения. Меня тогда это немножко покорило, потому что мне казалось, что все-таки степень пусть не слишком большой, но все-таки близости какой-то, которая в стенах «Нового мира», где Солженицын появился и состоялся, как-то обязывает к каким-то продолжениям человеческих отношений, что вот так просто резко их обрывать — это неправильно несколько, да. Но потом я очень хорошо тоже это понял и не то, что простил, а не стал придавать этому такого уж большого значения, потому что, действительно, ему так казалось.

” У него была своя дорога, и на этой дороге, которую он выбрал, — а он выбрал, в общем-то, дорогу жестокой борьбы с этим режимом, — нужно было уметь не только обзаводиться друзьями и помощниками, но и уметь прерывать отношения, которые просто были уже не на том пути, который он избирал.

Я вспоминаю его на похоронах Твардовского, но это было уже позднее, два года спустя, когда он вошел, а я и еще другие члены редколлегии: Миша Хитров, Володя Лакшин — мы были как бы дежурной командой в Большом зале Центрального дома литераторов с повязками на этих самых... Вошел Солженицын в такой какой-то сибирской шубе, я подошел к нему навстречу, раздел его, потому что все-таки нельзя было в зале сидеть так. А он прошел и сел впереди с Марией Илларионовной, с вдовой Твардовского, а потом подошел к гробу, когда все подходили прощаться, и перекрестил Твардовского. Я это отчетливо помню. Я не помню, снимали ли этот момент, запечатлено ли где-то на кадрах, но это было, да.

Позднейшее продолжение отношений с Солженицыным, какие-то наши встречи я расскажу. Дальше уже, потому что моя жизнь еще на этом не закончилась, хотя с «Новым миром» уже было понятно, когда мы прощались, что, действительно, это уже эпоха целая позади.

А.И. Солженицын у гроба А.Т. Твардовского. Второй слева — В.Я. Лакшин. Москва, 21 декабря 1971. Источник фото: www.gettyimages.com

Процесс Синявского и Даниэля

Е.Г.: А вы говорили, что с Твардовским не просто у вас складывались отношения?

И.В.: Да, пожалуй, можно сказать, что в этот момент это обнаружилось.

Е.Г.: Только под конец обнаружилось?

И.В.: Да, под конец. Поначалу было все прекрасно. Он где-то какие-то теплые слова говорил по поводу и моих статей, и по поводу моих действий как члена редколлегии... Но потом началась вот эта пора постепенной подготовки к окончательному разгрому. Я думаю, что это 66-й, примерно, год, 65-й — 66-й год, когда был арестован Синявский и Даниэль, когда начался процесс этот. С этим, кстати, у меня тоже связаны какие-то значимые воспоминания. Поскольку «Новый мир» был органом Союза писателей, прислали билет на одно из заседаний суда над Синявским и Даниэлем, если кто-то хочет пойти, то пожалуйста, да. А Синявский у нас печатался. У нас печатался и был одним из авторов, не очень постоянных, не очень регулярных, но, безусловно, автором нашим он был. Я сказал: «Александр Трифонович, давайте мне, я пойду». Мне действительно хотелось побывать там, посмотреть своими глазами, что это за трагифарс такой. Я взял этот билет и пошел по этому билету.

Это было одно из последних заседаний, где были последние слова и Даниэля, и Синявского. Где выступал

общественный обвинитель... Смирнов тоже, кажется, его фамилия была, писатель такой. Там была и Майя Розанова, тогда она была Майя, а не Маша, жена. И жена Даниэля, вот. Я помню, что я очень подробно записал, у меня где-то запись эта осталась, почти стенографически, речи и обвинителей, и обвиняемых. Сразу после этого я пришел к своим друзьям, к Лене Ржевской и Изе Крамову, которые жили в начале Ленинградского проспекта, и подробно-подробно им там рассказывал по этим записям все это происшествие, весь этот процесс, который я наблюдал. А потом через несколько дней буквально появилась запись чья-то другая. Она пошла по самиздату и была почти адекватна моей, с некоторыми ошибками. И я даже хотел как-то связаться с теми, кто сделал эту запись, но как-то, в общем, замотался с этим делом. Запись эта где-то у меня до сих пор лежит, я даже не помню, где, надо найти. Вот это Синявский и Даниэль. Значит, это было предупреждение тоже и «Новому миру», посылка этого приглашения, потому что нас считали тем органом, который давал возможность поднимать голос врагу, такому врагу народа, как Синявский.

Ю.М. Даниэль и А.Д. Синявский в зале суда. Москва, 1965. Источник фото: www.syl.ru

Митинг гласности на Пушкинской площади и плакаты, отобранные у демонстрантов. Москва, 5 декабря 1965. Источник фото: www.bessmertnybarak.ru

Нарастание напряжения вокруг «Нового мира»

Если продолжить хронику этого нарастания напряжения до первого кризиса 67-го года, то нужно вспомнить съезд писателей РСФСР, где были выступления очень резкие по поводу «Нового мира», где выступал секретарь горкома Егорычев, тот самый, с легкой руки которого был зарезан тираж моей книжки «Как хлеб и вода». Я не рассказывал об этом, нет?

Где-то в середине или в начале 60-х годов, точно не помню, надо посмотреть это, я написал такую работу «Как хлеб и вода. Искусство в нашей жизни», где развивал некоторую свою такую теорию искусства, которая вышла в издательстве «Искусство» тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров. И первые экземпляры появились уже на витрине Библиотеки Ленина. И даже мои товарищи один или два экземпляра стащили, сумели, да. Но весь тираж, который оставался еще в типографии был уничтожен, послан под нож, потому что Егорычев прочитал эту книжку. А там было одно место с очень прозрачным портретом Хрущёва, как некоторого чудовищного, тирана, который только играет из себя некоторого либерала и свободолобца, а на самом деле, в общем... Можно найти это место при желании, воспроизвести его и процитировать... Это, конечно, Егорычева возмутило и, видимо, легло какой-то заметочкой ему, зарубкой на сердце с чем потом вспоминать имя Виноградова.

Выступление Егорычева по поводу «Нового мира». Все это уже нарастало. В начале 66-го года была запрещена подписка на «Новый мир» в армии. В армейских подразделениях раньше разрешалось подписываться, библиотеки армейские, все прочее, да. 66-й год, после публикации рассказа Артура Макарова «Дома» (солдатский такой рассказ о том, что происходит у солдата дома), военный политотдел

запретил подписку... Как называется, я не помню этот политотдел... Генерального штаба, что ли. Это сильно снизило тираж, ну, на сто или на сто пятьдесят тысяч примерно, потому что тираж тогда у «Нового мира» был очень большой, где-то до полумиллиона даже в то время, может быть триста тысяч, четыреста тысяч. Был большой очень тираж.

В сезон 65-го — 66-го года было снятие спектакля «Тёркин на том свете» в Театре сатиры. Прошло один, два или три буквально спектакля, Папанов играл Тёркина. И на один из спектаклей пригласили Твардовского с редколлегией. И мы там были, нам очень понравился спектакль. Он был такой шестидесятнический, с очень острыми какими-то театральными-сценическими воплощениями сатирической мысли Твардовского, где любопытное изображение, как смотрит в подзорную трубу на тот свет, на запад с тем, что происходит на Западе. Какие-то еще моменты там довольно забавные были. Спектакль был поставлен Плучеком. Снятие его буквально через два-три спектакля — это тоже была одна из вех уже на то, что с «Новым миром» решили где-то, видимо, расправиться.

А.Д. Папанов в роли Василия Тёркина в спектакле Театра сатиры «Тёркин на том свете». Москва, 1966

Март 66-го года, XXIII съезд, по-моему, в это время, Твардовский уже не кандидат в члены ЦК. Наконец начало 67-го года газета «Правда», статья «Когда отстают от времени» — это уже выступление центрального органа партии, прямое выступление по поводу «Нового мира», но еще с какой-то попыткой для баланса, для равновесия сказать какие-то слова о том, что есть перехлесты и у противников «Нового мира». Но главным был прежде всего удар по «Новому миру», безусловно.

Реорганизация редколлегии «Нового мира» в 1967 году

Наконец, результатом всего этого был уже первый серьезный организационный удар по редколлегии, когда в 67-м году была первая реорганизация редколлегии «Нового мира». Когда были уволены из редколлегии первый заместитель Твардовского Дементьев и ответственный секретарь журнала Борис Закс. Это была чисто чиновничья акция, которая отражала собой достаточно хорошо весь менталитет, весь характер чиновничьего мышления. Кто был уволен? Ну, первые помощники, номенклатурно самые ближайшие помощники Твардовского. На самом деле это были не самые страшные для власти фигуры,

потому что Дементьев был очень осторожный, очень преданный Твардовскому и очень преданный журналу «Новый мир», но достаточно осторожный человек, чтобы позволить какие-то выходы за те рамки, за которыми уже могли последовать самые, так сказать, жестокие акции по отношению к журналу. Закс был еще более осторожный человек, и он был в этом смысле внутри журнала сдерживающим барьером для всего более или менее острого и сильного. Он был одним из первых, кто всегда начинал сомневаться в том, что это можно печатать и так далее.

В связи с этим, значит, это 67-й год, произошла реорганизация редколлегии. Был уволен первый зам и ответственный секретарь. Что касается ответственного секретаря, то было решено сразу взять нашего еще университетского друга Мишу Хитрова (он в это время работал в «Известиях»), пригласить его на место ответственного секретаря. А что касается дальнейшего распределения этих убывших мест, тут были разные какие-то варианты. Да, понятно было, что самым лучшим и самым желательным для Твардовского было бы, если бы заместителем его стал Лакшин.

Лакшин был очень близкий ему человек, который пользовался его полным доверием и вообще вошел в это доверие еще со времен начала «Нового мира», нового, «твардовского», даже и с первого еще захода, когда в «Новом мире» печатался Марк Щеглов, который был близким другом Володи Лакшина. А потом в связи с публикацией его наследства уже, с продолжением каких-то отношений с Твардовским по поводу Марка Щеглова, Володя вошел уже и в рабочее отношение с Твардовским. И Твардовский сразу после того, как он ушел из университета по окончании аспирантуры в «Литературную газету», пригласил его к себе в 58-м году. Когда он второй раз пришел в «Новый мир», он пригласил его заведовать отделом критики. Володя пошел туда заведовать отделом критики. А я пришел в 65-м году — я рассказывал как, да? — по приглашению, по представлению Герасимова и при поддержке Лакшина в 65-м году. Стал заведовать отделом прозы в 67-м году — это, значит, кончался второй год или полтора года моей работе в этой ипостаси. В какой-то момент Твардовский пригласил меня к себе в кабинет и сказал: «Игорь Иванович, а как вы посмотрите, если я предложу вам быть своим заместителем?» Я сказал: «Я готов. Если это вы считаете правильным и нужным, то я готов».

Потом мы после этого пошли всей большой компанией, по-моему, и Володя Лакшин, и я, и Твардовский, как это и нередко и бывало, к сожалению, в какую-то из ближайших забегаловочек, выпили там. Володя ушел, Миша тоже пошел куда-то, а я повез Твардовского домой. Твардовский был уже нехорош. Вообще бы, надо сказать, что эта болезнь, которая у него была и о которой все хорошо знали и знают... Не очень хочу углубляться в это. Она очень тяжело им переживалась. Он всегда испытывал очень большой стыд перед редакцией, перед редколлекцией. Когда после очередного как бы «отбытия», исчезновения из редакции он возвращался хмурый, и нужно было возвращаться в рабочий ритм, ему было всегда это неловко. Мы возвращались домой, и я сказал ему: «Александр Трифонович, я понимаю, что вам было бы гораздо лучше, чтобы Володя Лакшин был на этом месте».

Ну, а почему было предложено мне? Потому что было понятно, что Лакшина не утвердят наверху, что после статьи «Один день Ивана Денисовича, друзья и его враги», после его поведения, после его защиты всяческой этой повести, после крушения солженицыновской номинации на Ленинскую премию — после этого его не утвердят. Поэтому такой план был у Твардовского. Я ему говорю, что я понимаю, что вам было бы гораздо лучше, если бы вашим заместителем стал Лакшин. Он ближе вам, и вам с ним было бы лучше. Он говорит: «Вы и это тоже понимаете?» — «Да, я это тоже понимаю». Мы пришли к нему домой, где в дверях нас встретила Оля Твардовская, всплеснула руками, обняла отца, увела его куда-то вглубь квартиры. Я поехал домой.

На следующий день, как всегда... Рабочий день начинался с того, что члены редколлегии сидели по своим кабинетам. Когда приезжал Твардовский, мы поднимались к нему, входили, и начиналось такое уже как бы общее сидение со всеми текущими делами. Мы пришли, поднялись к Твардовскому. Твардовский попросил меня выйти на минуточку почему-то. Ну, понятно, примерно, почему. И там остался Лакшин, остался Алёша Кондратович. После чего Володя вышел оттуда и сказал: «Все будет в порядке». Через какое-то время Твардовский позвал меня и сказал: «Игорь Иванович, в общем, мы решили так, что мы сделаем Лакшина исполняющим обязанности и официально не будем его это самое, а вам

я предлагаю остаться на старом месте». Я говорю: «Александр Трифонович, если можно, давайте сделаем так. Я совершенно согласен. Это совершенно правильное решение. Тогда переместите меня на отдел критики». Я всегда хотел заведовать отделом критики, а не отделом прозы, вот. Это было абсолютно искренне, абсолютно честно. И я могу сказать сейчас, положив руку на сердце, что именно такой расклад меня лично устраивал больше всего, потому что, честно говоря, быть заместителем Твардовского мне не очень хотелось.

Заместитель — это контролирующая как бы сторона, инстанция, но не непосредственно инициативная и рабоче-творческая, что ли, да. Когда у тебя отдел, ты делаешь то, что считаешь нужным, заказываешь те статьи, которые ты считаешь нужным. То есть вся первичная работа по формированию содержания журнала лежит на тебе. И, конечно, эта работа гораздо более интересная, хотя и понятно, что быть заместителем — это достаточно почетно, ответственно и все прочее. Но вот этот момент такой был, значит, и, положив руку на сердце, я могу сказать, что это был для меня наиболее устраивающий какой-то момент. Но этот момент, очевидно, каким-то образом, каким-то осадком все-таки у того же Лакшина остался на душе, я не знаю... Может быть, у Твардовского возникло какое-то ощущение такое, что я не очень это как-то хорошо перенес. Потому что дальше возникали моменты, когда я оказывался инициатором каких-то действий, каких-то предложений, которые отвергались.

Реакция на ввод советских войск в Чехословакию

Так мы с Юрой Буртиным, например, считали, что вообще после 68-го года, после Пражской весны и ввода советских войск в Прагу, — я сейчас буду специально и особо рассказывать — что, в принципе, судьба «Нового мира» решена, что начинается эпоха (с введением этих танков), когда «Новому миру» существовать долго не придется. Твардовский ушел от непосредственного участия во всей суматохе, заварухе, которая началась вокруг этого события в свою болезнь. Хотя, когда ему принесли на дом, как нам стало известно, подписать письмо секретариата Союза писателей в поддержку наших действий в Чехословакии, он отказался это сделать. Но ситуация в самом журнале сложилась очень острая. Она сложилась очень острая в связи с тем, что райком партии разослал по всем партийным организациям толстых журналов указание провести общее совещание редакции, где поддержать действия нашей власти в Праге и противодействовать всяким фашистским и прочим элементам, которые пытались захватить власть в Праге, в Чехословакии, отколоть Чехословакию от лагеря социализма и так далее. И на заседании партийной группы в кабинете Твардовского, где Твардовского не было, вел заседание Володя, я выступил и сказал, что, на мой взгляд, мы не должны проводить такое собрание. Отказаться проводить такое собрание и уж ни с какой поддержкой не выступать, потому что выступить с поддержкой действий власти — это значит поставить крест на всем том, что делал «Новый мир». Что нам для того, чтобы то, что мы делали все-таки имело какое-то значение, и чтобы слово «Нового мира» как-то прозвучало, нам важнее сейчас лучше погибнуть и закрыться даже, если нас закроют, чем вступить на этот путь, где нас ждет немного, не больше полугода или года, и все равно нас прихлопнут. Но только это будет уже совсем другой конец. Лучше погибнуть вот так.

К сожалению, Буртина не было на этом собрании, я был один. Володя сказал, что... Да, кто-то из... Анна, я не помню отчество, Василевская, которая была секретарем партийной организации, а ее сын, Андрей, в это время работал у нас библиотекарем. Это тот самый Андрей Василевский, который теперь главный редактор «Нового мира» нынешнего. Она выступила, естественно, против моего предложения. Лакшин сказал: «Ну, все тогда, собирайся, уезжай!» Они были не согласны. Я сказал: «Имейте в виду, я выступлю с таким предложением». Он сказал: «Нет! Тогда собирайся, уходи, не мешай нам». Надо было мне остаться, наверное, я как впоследствии решил и понял. Но, в общем-то, это все было, как можете понять, на достаточно большой «нерве».

Я расстроился и поехал домой. Поехал домой, после чего через некоторое время, в этот же день часа через два или через три приехали ко мне Ефим Дорош, который стал заведовать отделом прозы вместо меня и Миша Хитров. Ну, что-то такое приехали вроде как немножко утешать меня, да. Ну, рассказали

о том, что произошло там. А произошло: подняли руки, проголосовали, поддержали. И все это было потом напечатано в «Литературной газете».

Впоследствии в книге «Бодался теленок с дубом» Солженицын об этом рассказал, об этой истории, за что его обвиняли уже разного рода либеральные наши единомышленники, что он подставляет Виноградова, зачем же выдавать ему, так сказать, да. На самом деле никакой подставы здесь не было, потому что это все прекрасно всем было известно. Никакой тайной ни для кого это не могло быть, хотя бы потому, что, забыл об этом сказать, в кабинете Твардовского стояли «жучки», и мы это прекрасно знали. Ребята, которые ставили под видом монтеров, там что-то исправляли, нас предупредили об этом. И когда Твардовский говорил: «Я могу сказать на Красной площади все то, что я говорю здесь» — это была абсолютная правда. И он никогда не стеснялся ничего говорить, зная прекрасно, что все это записывается.

А.Т. Твардовский в своем кабинете в «Новом мире». Москва, 1960-е гг. Источник фото: www.peremenu.ru

Отношение Александра Твардовского к Игорю Виноградову

Ну, вот, я вернусь немножко назад, потому что не только 68-й год, но и перед 68-м... Да, конечно, Твардовскому потом рассказали о том, как проходило партсобрание, и я не знаю, как уж он расценил мое поведение, но где-то в это же время или немножко даже позже случилась такая ситуация. Володя Лакшин написал статью «Дела журнальные», кажется, так эта называлась статья в связи с выходом какой-то книги, посвященной «Современнику» и «Отечественным запискам» XIX века. Статья абсолютно прозрачная по аллюзиям, где Володя говорил о том, что такое был журнал «Отечественные записки», как они боролись, какими путями боролись с властью, как обходили цензурные запреты и так далее.

Когда принес эту статью в отдел критики, да, это было уже, по-моему, даже после 68-го года. Это был 69-й год, что-то в этом духе. Или конец 68-го года. Я в это время болел. Это было лето 68-го или 69-го года, я сейчас точно не помню, надо посмотреть. Я в это время болел, был на даче, у меня грипп был. Ну, я прочитал статью и пришел в некоторый, так сказать, ужас в связи с тем, что я понимал, что это такая

подстава, такое прямое, прямо, ребята, читайте, вот что вы такое есть, вот как мы про себя думаем, и что это делать не надо. Что нам надо делать свое дело, но рассказывать о том, кто мы такие и раскрывать глаза и публике и начальству — дело неправильное. Я посоветовался с Михаилом Александровичем Лифшицем, который был моим старшим другом таким, и он абсолютно меня поддержал. Я написал письмо на имя Володи и Миши, где мотивировал мысль, что не стоит эту статью печатать. Не надо печатать эту статью, потому что, мне кажется, мы должны делать то-то, то-то, то-то, мы должны продолжать нашу линию, но это будет ускорением нашего конца. И просил показать Твардовскому. Твардовский прочитал тоже эту статью, и в следующий приход, когда он пришел в редакцию, он собрал редколлегию. Я встретил его еще и на лестнице: он шел хмурый. Во время совещания уже в кабинете, в редколлегии было предоставлено мне слово, и я, по-моему, еще раз повторил то, что я считаю нужным. Он сказал: «Нет, мы будем эту статью печатать, ничего... Статья хорошая». Очень недоброжелательно, без всякого доброжелательства, скажем так, достаточно резковато, и строго, и жестко. После чего, я и думаю, что...

Перед этим еще тоже был такой момент, когда мы с Буртиным предложили создать вокруг журнала попечительский совет, понимая, что разгром журнала, что называется, на очереди дня... Мы с Юрой решили, что была бы хорошая защита, если бы вокруг нас образовался из солидных людей, таких, как академик Румянцев, академик Капица, — в общем, знаменитые люди России, — попечительский совет, который в случае каких-то осложнений в нашей жизни мог бы подать свой голос и с которым могли бы посчитаться в ЦК. Но это предложение тоже было как-то отвергнуто.

И вообще вот это мое письмо Володе, которое было напечатано на машинке, которое я дал Твардовскому и так далее, видимо, произвело на Твардовского какое-то впечатление, то есть он заподозрил... Не то, что заподозрил, а наверное, возникло какое-то ощущение, что это какое-то обычное такое вот... Ну, так не делается, что это вот... Не надо никаких письменных такого рода документов, которые можно всегда потом представить как... Ну, что-то в этом виде ему показалось что-то такое неправильное и нечистоплотное, что ли, уж я не знаю, что-то в таком духе. Вспоминать мне об этом не очень приятно, но и я не могу это обойти, потому что это правда.

И могу сказать, что мои отношения к нему всегда оставались абсолютно преданными и верными. Никогда никаких козней и никаких интриг ни против кого я никогда не вел. Поэтому, когда начался уже разгром, когда началась уже организационная пора, и Твардовский написал письмо Брежневу, мы с Буртиным уже были привлечены к тому, чтобы тоже как-то принять участие в написании этого письма. Так что вроде, так сказать, как-то отношения восстановились в это время, но это уже были какие-то последние месяцы.

После первого удара, то есть после 67-го года, когда была первая реорганизация редколлегии, конечный расклад обозначился уже таким образом, что Володя стал исполняющим обязанности первого зама. Алексей Кондратович формально первым замом остался, а фактически был вторым замом. Я перешел на отдел критики, а на отдел прозы был взят Ефим Дорош. И так мы проработали до конца 69-го года.

Уход Твардовского из «Нового мира»

В конце 69-го года уже постепенно начали возникать разговоры о том, что в секретариате Союза писателей возникла инициатива дальнейшего обновления редколлегии. И стали говорить о том, с какими предложениями снова хотят обратиться к Твардовскому. В частности, была названа фамилия Большов или Большаков, я уже не помню, — такой деятель при секретариате Союза, который должен был стать заместителем Твардовского. На что Твардовский тому же Воронкову сказал: «Знаете, когда человеку предлагают жениться, то его все-таки спрашивают, нравится ему невеста или нет. Вы, что же, хотите меня женить на невесте, которую я не видел, не знаю и вообще любить не могу?»

Вот. Ну, значит, не давали ему публиковать последнюю поэму «По праву памяти», которая была в цензуре. Было даже какое-то предложение ему со стороны секретариата уйти по собственному желанию.

В «Правде» напечатали статью «Против чего упорствует «Новый мир»», примерно такого типа, критическую. И в это же время произошла история еще и с моей статьей «На краю земли», посвященной 25-летию... фу, 25-летию... Давайте посчитаем сколько лет со времени Сталинградской битвы... 42-й — 67-й год — да, где-то 25–26 лет. Статья «На краю земли» в связи с этим юбилеем и по поводу повести Некрасова «В окопах Сталинграда», где я отстаивал вот эту «окопную правду» Некрасова. Вследствие чего в «Литературной газете» очень быстро появилась статья такого ленинградского критика Ильяшевича, разгромная по отношению к моей статье, с тем, что Виноградов искажает историю советской литературы, пренебрежительно относится к нашей военной литературе, что преувеличенные, односторонние возвышения узкой «окопной правды» Некрасова и так далее, и так далее.

Но мало того, что появилась эта статья, на следующий или через несколько дней в «Правде» появилась статья в поддержку этой статьи Ильяшевича против статьи Виноградова с обвинением Виноградова в идеологически неверных взглядах. В то время это было, знаете, для людей моего круга как орден, который я получил. Но этот орден означал сгущение уже туч над «Новым миром» довольно серьезное, что сказалося немножко раньше еще даже в знаменитом «Письме 11-ти» авторов, среди которых был Алексеев, Чивилихин, Шундик, Проскурин, Закруткин — в общем, вся СПСовская такая братия против «Нового мира». «Против чего выступает «Новый мир»?» — письмо с резкой критикой, обвинением «Нового мира»... Которые потом везде потрясали этим журналом.

А у нас, как Твардовский потом написал, по-моему, в одном из своих воспоминаниях или поделился с кем-то из близких, я уже не помню точно: «Мы переживаем страстную неделю». Действительно, была «страстная неделя», потому что на этой неделе очень много чего произошло. Кстати, выброс «Тёркина на том свете» тоже был в это самое время, по-моему.

С ноября пошли слухи о плане, который действительно в секретариате Союза писателей разрабатывался — убрать из редколлегии, освободить от занимаемых должностей четверых: Лакшина, Виноградова, Кондратовича и Игоря Саца. В надежде на то, что после этого Твардовский вынужден будет принять новый состав редколлегии или уйдет сам. Что и произошло: в феврале 70-го года появилось решение секретариата Союза писателей, но решение было принято на самом деле на Политбюро ЦК партии, потому что секретариат Союза писателей сам ничего никогда не решал. Появилось решение об освобождении вот этих четырех лиц. Лакшин был переведен в административном порядке на работу в журнал «Иностранная литература» советником или консультантом каким-то с сохранением зарплаты новомирской. Кондратович был переведен тоже то ли консультантом, ну, каким-то таким лицом с сохранением зарплаты в журнал «Советская литература (на иностранных языках)». Сац был, так сказать, министром без портфеля. Он не был штатным членом редколлегии, он был внештатным, то есть он не занимал никакой должности в самой редакции. Он был уволен просто так. И просто так был уволен Виноградов.

Дальше начинается уже личная судьба Виноградова, поэтому я чуть-чуть позже об этом расскажу. А сейчас скажу, что после этого решения секретариата Союза писателей началось время ожидания ответа Брежнева на письмо Твардовского.

Потом нам говорили, передавали, что якобы Брежнев или он на самом деле так сказал, имея в виду, конечно, что так передать это лучше всего: «Что же это, в общем, Александр Трифонович. Он бы позвонил, зашел, мы б поговорили. Письма зачем писать было?». Тем не менее в феврале 70-го года, по-моему, он подписал-таки решение об освобождении Твардовского: Твардовский был освобожден от обязанностей «Нового мира».

12 февраля он пришел прощаться в журнал. Обошел отделы, попрощался, и на этом новомирская история Твардовского кончилась. Очень быстро он заболел, и очень быстро рак его унес. Мы встречались с ним уже редко на его даче, в его доме в Пахре, куда приезжали к нему. Отпраздновали еще в июне 70-го года день рождения. А дальше было уже некоторое угасание.

Редколлегия «Нового мира». Сидят слева направо: Б.Г. Закс, А.Д. Дементьев, А.Т. Твардовский, А.И. Кондратович, А.М. Марьямов. Стоят: М.Н. Хитров, В.Я. Лакшин, Е.Я. Дорош, И.И. Виноградов, И.А. Сац. Москва, февраль 1970. Источник фото: www.peremenu.ru

Поиски работы после увольнения из «Нового мира»

Теперь, поскольку я рассказываю все-таки свою жизнь, несколько слов о том, что было после «Нового мира». Ну, в общем, меня уволили практически с волчьим билетом, скажем так. Первоначально сам тот факт, что меня никуда не перевели и никакой кормушки мне не дали взамен «Нового мира», вообще-то еще сам по себе ничего не означал. Ну, так сказать, Лакшин и Кондратович — это был как бы немножко более высокий ряд номенклатуры, они были заместителями Твардовского. А я член редколлегии. Твардовский, когда узнал об этом решении, сказал: «Ну, Виноградов устроится и еще лучше их!» Потому что я кандидат наук и все прочее. И, значит, мне была предоставлена полная возможность устраиваться куда-то.

Устраиваться на работу мне нужно было, потому что без работы прожить тогда было трудно, учитывая, что выход в печать для меня с этого момента тоже был уже достаточно прикрыт. Практически очень долго потом я не печатался, а если печатался, то раза два случайные какие-то небольшие заметки под чужими фамилиями. Так что прожить на литературные заработки я, естественно, не мог.

Оказалось, что Виноградову на самом деле проще устроиться никак не получается, потому что в Институт социологии, куда сначала меня как бы порекомендовали, я пришел туда к директору. Мы там поговорили. Сначала я очень так, как бы расположенным, но через два дня сказали, что, к сожалению, они не могут меня устроить.

Тогда Твардовский позвонил в какой-то момент академику Румянцеву, который был вице-президентом Академии наук, и попросил как-то посодействовать моему трудоустройству. Я был на приеме у Румянцева. Румянцев предоставил мне свою вице-президентскую ставку — штатная единица старшего научного сотрудника в Институте мировой литературы. Я пришел туда к заместителю директора, который был очень всполошен. Он сказал: «Вы знаете, вот сейчас еще не вернулся директор Сучков из какой-то поездки. Вот он приедет — будем тогда решать». Приехал этот Сучков, побежал в ЦК, как мне рассказывали, и тут же договорился о том, что Виноградова туда не примут. Короче говоря, я должен был опять что-то искать.

Мне было очень любопытно, в чем дело, почему ко мне такая особая индивидуальная дискриминация, скажем так. И я поговорил... Я забыл, как фамилия секретаря, он работал секретарем у Румянцева... Я зашел к нему, чтобы спросить у Румянцева, в чем дело, что такое: «Вот видите, никакие его вице-

президентские указы и решения не действуют. И не действуют, потому что ЦК не дает зеленого света».

” Он мне сказал: «Это очень просто. Вот, очень просто. Имейте в виду, что вас обвиняют в том, что вы были непосредственным исполнителем передачи поэмы Твардовского «По праву памяти» на Запад».

Как мне потом объяснили, это был основной мотив, который был выдвинут перед Брежневым, который действительно колебался, как быть с Твардовским. Оказывается, они завели связи с Западом, и что на Запад Виноградов лично передал каким-то образом туда. То есть версия, которая была выдвинута, конечно, со стороны КГБ нелепая изначально, априори, по определению, потому что особенность «Нового мира» или положение нас в «Новом мире» как раз и состояло в том, что мы никогда не подписывали никаких писем, не участвовали ни в каких акциях такого рода. Нас в этом отношении очень берегли и никогда не приходили к нам с этим, потому что мы были единственным легальным журналом, единственным легальным органом, который существовал и который должен был существовать. Поэтому нас в этом отношении действительно берегли. И мы сами берегли журнал, поэтому мы никогда не могли бы пойти.

Сейчас-то я мог бы сказать, было или нет. Нет, ничего подобного не было. Как попала туда поэма, я не знаю действительно, но «Новый мир» к этому отношения, во всяком случае, не имел.

Так или иначе, но узелочек этот развязывать как-то мне предстояло. И я тогда пошел на совет к одному работнику ЦК, которого я уважал — Игорю Сергеевичу Черноуцану. К тому самому Черноуцану, который меня приводил когда-то к Поликарпову — я рассказывал об этом, по-моему, — с предложением работать в ЦК партии. И Черноуцан мне сказал: «Игорь Иванович, дело серьезное. Вы должны...» Я говорю: «Что делать мне вот? Какой мне путь избрать?» — «Только письмо к генеральному секретарю партии». Я решил, что этого делать не буду ни в коем случае.

В этот момент на меня каким-то образом вышел, как модно сейчас говорить, Георгий Иванович Куницын, который заведовал в это время сектором эстетики в Институте истории искусств, откуда я перешел в «Новый мир». Мы были знакомы с ним и перед этим. Мы встретились, я рассказал ему свою историю, что со мной сейчас происходит, что я нигде не работаю, и почему. И он жутко возмутился. Это был, вообще, надо сказать, очень искренний и честный человек несмотря на то, что он прошел школу ЦК и был одним из редакторов «Правды» по отделу культуры как раз. Но он постепенно вот так все время по этим ступеням спускался и дошел до заведующего отделом сектора эстетики Института истории искусств. Он жутко этим возмутился и вызвал меня к себе в Институт истории искусств, сказал: «подавайте к нам заявление». Я подал заявление о приеме в институт. И он там вместе с замдиректора института (не помню фамилию опять), который в это время заправлял институтом, потому что Кружков, директор института, тоже бывший работник ЦК, в это время был то ли в отпуске, то ли в командировке где-то, — и они меня взяли и зачислили. Кружков приехал через неделю или что-то такое. Вызвал меня и сказал, что это было недоразумение, что это без него сделали, что подавайте заявление об уходе... Я сказал: «Нет, я подавать заявление об уходе не буду. А если вы считаете нужным меня уволить, тогда увольняйте». И вот тут Куницын дал бой, настоящий бой не просто Кружкову, а ЦК. Это было даже не в моем присутствии. Он меня вызвал, я где-то стоял в прихожей или в приемной Кружкова, которого в этот момент именно не было, а Куницын из его кабинета вместе с Недошивиным и вместе с кем-то еще из какой-то такой группы людей из института, которые поддерживали его в этом отношении полностью, позвонил в ЦК и разговаривал с заместителем заведующего Отделом пропаганды или агитации — уж не помню, как это называлось. И слышно было, как он там кричит: «И что ж, теперь, это самое, Виноградова никуда нельзя работать взять, что ли, да? Вы хотите сказать, что нужно его, значит, вышвырнуть?» В общем, шум был большой. Он надавил и выжал разрешение в конце концов. Таким образом, я оказался в Институте истории искусств, где проработал почти восемь лет. Я об этом потом расскажу. Я проработал почти восемь лет и ушел тоже по собственному желанию, хотя практически

меня тоже уволили оттуда в связи с моими выступлениями в защиту уже Куницына, которого тоже уволили (*смеется*) из Института истории искусств как идеологически нежелательного заведующего отделом.

На этом, наверное, я сегодня все-таки бы закончил, потому что боюсь, что моих сил на весь период до «Континента» и на «Континент» уже не хватит, потому что это еще довольно большой период. Это с 70-го по нынешний 15-й год — это еще целых сорок пять лет моей жизни, больше половины моей жизни.

Е.Г.: А «Континент» — это отдельная будет...